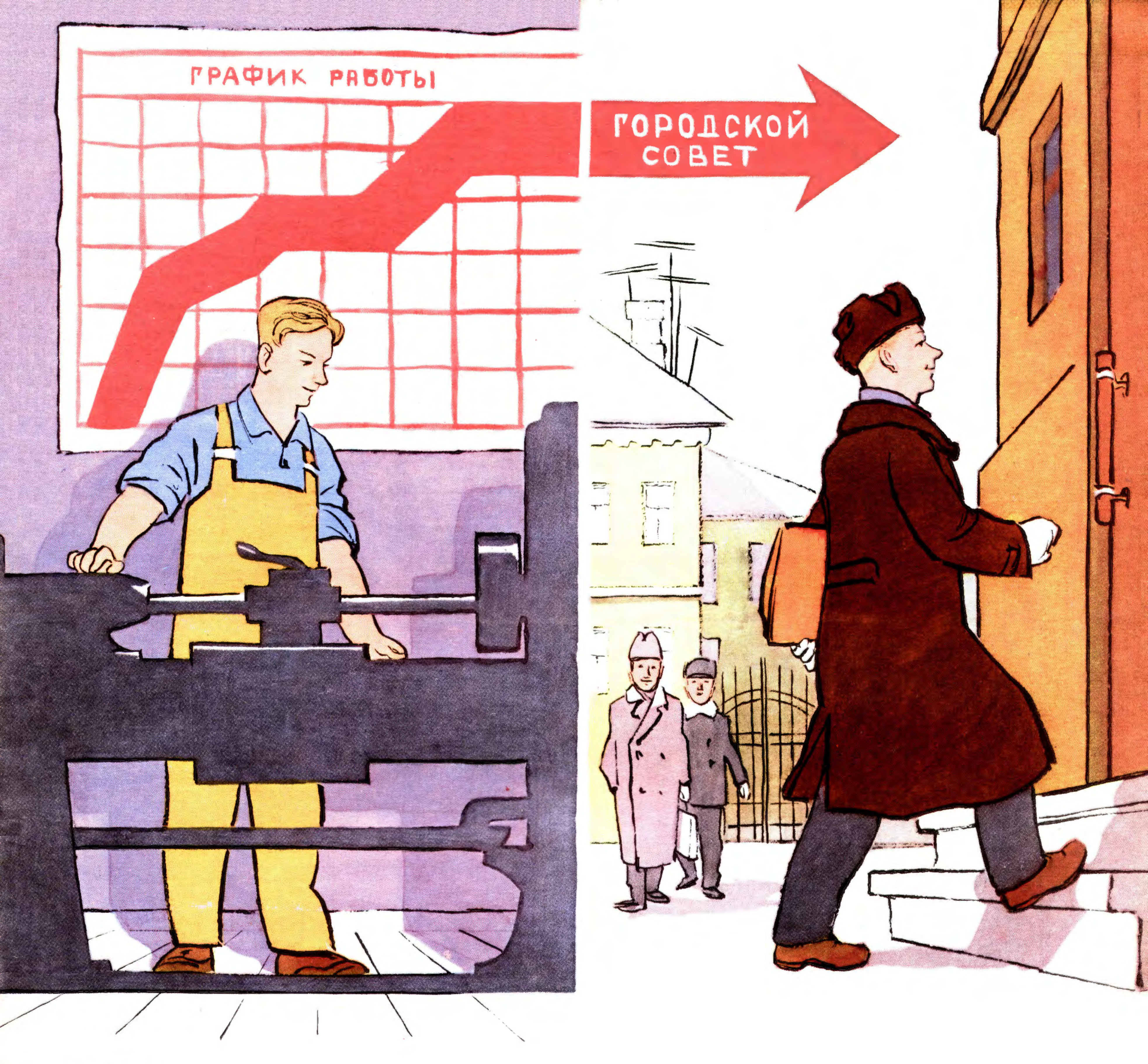

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Прямой путь депутата.

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 6 28 ФЕВРАЛЯ (1476) 1957 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

К Всесоюзному съезду художников.

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

Мое дополнение к решениям съезда.

ПЕСТРАЯ КРОКОДИЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Новелла о потерянном авторитете

В очередную субботу крокодильские активисты собрались у батареи парового отопления, чтобы за дружеской беседой скоротать долгий зимний вечер.

— Сейчас я расскажу историю,— сказал гость, прибывший из Молдавии и назвавший себя Остапчуком,— которую можно условно озаглавить: «Повесть о красной черепице, монахе и потерянном авторитете».

Все присутствующие придвинулись к рассказчику поближе, и он начал:

«Не так давно в совхоз «Копанка», Бендерского района, прибыл новый директор, тов. Рымар. Принял он хозяйство и начал осваиваться.

Через некоторое время из «Молдконсервтреста» запросили:

— Ну как себя чувствуете на новом месте?

— Пока неважно,— ответил директор.— Я еще не завоевал себе крепкого авторитета. А без него я, сами понимаете, как дырка без бублика.

— Это точно,— согласились в тресте.— Мудро сказано.

— Ну, а каким авторитетом может пользоваться директор, если он, как беспризорник, не имеет собственного угла и спит в конторе?

— Построим дом,— ответили из треста,— будете в нем жить, пока директорствуете.

— Казенного мне не надо,— замахал руками Рымар,— мне бы свой...

Ход мыслей директора был ясен. Собственный дом можно продать, когда придется уезжать из совхоза, а казенный не загонишь. Но директору все же пошли навстречу и разрешили ему построить из материалов совхоза особнячок. Построили ему ладненький домишко. Оглядел его Рымар и говорит:

— Все хорошо. Только крыша некрасивая. Серая. Серый шифер имеет, знаете, какой-то дешевый вид. И жене он тоже не нравится.

— Другого шифера, к сожалению, не имеется,— ответили ему.

— Рассказывайте! — ухмыльнулся директор.— Я сам видел хороший красный шифер на совхозной конюшне. Вот его и сдерите.

— Как же можно содрать?

— А так. Лошадям все равно, под каким шифером овес жрать.

Шифер с конюшни содрали и покрыли особнячок. Правда, авторитет от этой операции у Рымара ничуть не повысился. И даже наоборот, рабочие, проходя мимо особнячка, насмешливо косились на крышу. Но Рымар не обращал на это внимания, ему было некогда, он занялся на сей раз транспортом.

— Это что за автокарета? — спросил он.— Неужели мне все время придется ездить на таком, извините, драндулете?

— А другой у нас нет.

— Гм... Нет... Подумайте, в какое положение вы меня ставите. Жена часто ездит в Одессу, а одесситы — народ насмешливый, засмеют. Нет, такая машина может только подорвать мой авторитет. Нужно достать «Победу».

И совхозные снабженцы начали «доставать». Однажды встретили они одного знакомого монаха. Поговорили о том, о сем. И неожиданно для себя выяснили, что «Победа» имеется у монахов. И они даже могут ее продать.

— Но удобно ли вам будет,— говорит монах,— государственной организации, покупать у нас машину?

— Удобно. Оформим в лучшем виде.

— Между прочим,— продолжал монах,— машина вам обойдется в тридцать семь с половиной тысяч рублей.

— Плевать! Директорский авторитет дороже всяких денег.

— Ну, тогда господи благослови...

Вскоре после этого совхозный бухгалтер оформлял счет, в котором значилось:

«ПОСТАВЩИК: Кицканский мужской монастырь...

ПОСТАВЛЕНА: Машина «Победа»... 37 500 рублей...»

С тех пор тов. Рымар разъезжает в новой машине, не давая повода бендерцам и одесситам для неуместных острот. Однако авторитет директора не возрос, а еще более пошатнулся, что вызвало у руководителей треста крайнее удивление».

Рассказчик умолк.

Крокодил выбил из своей трубки золу и сказал:

— Наш уважаемый рассказчик товарищ Остапчук, видимо, полагает, что на этом можно поставить точку. Ошибка, дорогие гости. Еще до того, как он начал свой рассказ, я уже получил на него опровержение.

— От кого? — зашумели присутствующие.

— От кого? Да от самого товарища Рымара. Правда, кое-что он обходит молчанием. В частности, о покупке автомашины в монастыре — ни слова. Что касается черепицы, то он, Рымар, тут облагодетельствовал совхозных лошадей: взял с конюшни старую красную черепицу, а взамен отдал новую, благородного серого цвета. Самое же главное: Рымар считает, что писать обо всем этом не стоит,— выступление журнала может, мол, пошатнуть его авторитет. Но поскольку я иного мнения насчет того, как создается авторитет, где его можно найти и где потерять,— рассказ тов. Остапчука и «опровержение» тов. Рымара предадим гласности.

На этом Крокодил распрощался со своими гостями, и активисты разошлись до будущей субботы.

В ИНТЕРЕСАХ ГОРОДА...

Когда часы в трестовской столовой пробили двенадцать и над щедро уставленным новогодним столом поднялись стаканы с живительной влагой, взял слово управляющий Тагилстроем П. Д. Гиренко:

— Минуточку терпения, товарищи тагилстроевцы! Добрая чарка от нас никуда не уйдет! Но прежде чем осушить ее, давайте вспомним содеянное нами в минувшем 1956 году.

За столом воцарилось выжидательное молчание. И Павел Дмитриевич продолжал:

— Нам есть что вспомнить! Впервые за много лет мы успешно выполнили годовой план (аплодисменты). По капиталовложениям — на сто девять процентов (движение за столом). По вводу жилья в эксплуатацию — на сто два процента (продолжительные аплодисменты, возгласы: «Знай наших!», «Ай да мы!», «И когда только успели!»). Вот теперь можно и выпить, не просто так, а со значением. За наши успехи! Дай бог, чтоб и дальше не хуже!

Так многие участники новогодней встречи впервые узнали, что они во всех статьях молодцы. Шутка ли, всего несколько дней назад для выполнения плана недоставало около пятнадцати тысяч квадратных метров жилья! Совсем недавно передовая статья многотиражки «Строитель» четким заголовком свидетельствовала, что сдача объектов заказчикам находится «под угрозой срыва», и на тебе: взяли и все разом выполнили. И перевыполнили. Есть за что выпить!

Все активно повеселели. А когда вскоре прибыл и выступил радостно встреченный собравшимися секретарь горкома партии Виталий Иванович Довгопол, сердца виновников торжества преисполнились гордости. Да у кого ж не взыграет ретивое, когда ясно дают понять, что, сдав в самый канун Нового года столько жилья, ты содействовал выполнению плана в общегородском масштабе! И, значит, поддержал честь города.

За это тоже дружно выпили. Потом в разных концах стола чокались за здоровье заказчиков и субподрядчиков, за успехи отделочников и сантехников, за быстроту и натиск, за правдивое печатное слово и за редактора «Строителя» товарища Злобину. Последний тост имел, пожалуй, особый успех, ибо как раз в это время кто-то пустил по рукам еще пахнущий типографской краской новогодний номер. А передовая этого номера наперекор высказанным недавно опасениям черным по белому удостоверяла: годовой план впервые за много лет выполнен не только успешно, но и досрочно.

Наутро о крупной победе, одержанной молодцами-строителями, возвестила всему городу газета «Тагильский рабочий». В интервью с управляющим Тагилстроем приводились цифры, фигурировавшие на новогоднем банкете, и, как водится, подчеркивалось: «Естественно, что эти успехи не пришли сами». А редакционная статья предавала гласности истинно примечательное событие:

«Сегодня празднуют новоселье многие семьи горняков Лебяжинского рудоуправления».

— Вот это здорово! — удивились горняки.— У нас новоселье, а мы и не знаем.

И действительно, ни одна квартира дома № 34 по Раздельной улице еще не была заселена, а строителей ждала уйма работы.

Не меньше горняков удивились нижнетагильские металлурги: оказалось, что и их недоделанный дом уже «введен в эксплуатацию». И это тоже помогло строителям весело отметить Новый год.

На самом деле новоселье горняков и металлургов состоялось примерно через две недели. Но и оно было далеко не веселым. Какое же могло быть веселье, если многие квартиры не имели освещения, стужа в комнатах заставляла иных новоселов жить на кухне, а неисправность водопровода гнала их с ведрами к уличной колонке?..

Прошел еще месяц — и опять радоваться нечему. То тут, то там протекают потолки. Слезятся разномастно выкрашенные стены. Осыпается штукатурка. Зияют трещинами двери. Держатся на честном слове (без шурупов и шпингалетов) форточки. Дымят плиты. Вместо обычных ванн стоят, словно в насмешку, укороченные, детские...

Зачем же такие новостройки-недостройки сдавались и принимались?

Об этом в Нижнем Тагиле говорят по-разному.

Член приемочной комиссии, заместитель директора Ново-Тагильского металлургического завода А. Г. Самарин почти искренне недоумевает:

— А что, собственно, случилось? Дом, как дом, мы и хуже принимали. Жильцы, говорите, жалуются? Так они всегда жалуются. Разве этому народу угодишь?..

Инженер-строитель П. И. Паршенков, представлявший в приемочной комиссии Лебяжинское рудоуправление, признает:

— Домик был, прямо скажем, не того, и принимать его, конечно, не следовало. Только я ведь человек маленький: начальство велело — я подписал...

Председатель приемочной комиссии, начальник городского управления архитектурно-строительного контроля И. А. Комшилов без обиняков признает:

— Что греха таить, нельзя было эти дома принимать, тем более на «хорошо». Но это практически не от нас зависит. Городское руководство решает — мы оформляем. Так сказать, в интересах города...

А рядовые нижнетагильцы, в том числе новоселы, смотрят на дело по-иному. Они в простоте душевной думают, что дома надо сдавать только тогда, когда жилье действительно готово, и оценку давать по совести. Это вполне отвечало бы, дескать, интересам города и нисколько не уронило бы его чести.

Но пока дело обстоит именно так: благодаря принятым сверхэнергичным мерам Тагилстрой стремительно ворвался в ряды передовиков. Его показатели заметны уже не только в городском, но и в областном масштабе. На горизонте маячат, по слухам, и похвальные грамоты и премии. В связи с чем возбуждаем ходатайство: если вопрос о премиях за перевыполнение плана будет действительно обсуждаться, нельзя ли учесть наряду с официальными данными и скромное мнение новоселов?

С. ШЕВЕЛЕВ,
специальный корреспондент «Крокодила».

г. Нижний Тагил.

Рисунок Гр. ОГАНОВА.

Управление «Грознефти» в 1956 году не выполнило плана добычи нефти.

СКАЗКА О СПЯЩЕМ КРАСАВЦЕ.

ПРОБЛЕМЫ ИЗ ТРЕХ БЛЮД

Вопросы общественного питания — в центр внимания! Памятуя об этой необходимости, а также отдавая дань природе, наш корреспондент связался сегодня со столовой-чайной Знаменского района, Орловской области. Его примеру последовали многие другие граждане, которые уже не раз давали себе слово больше не связываться с этим заведением.

Была проведена коллективная громкая читка филькиной грамоты под названием «Меню». Во время последующего оживленного обмена мнениями местный поэт Иван Необедов огласил прочувствованные стихи, посвященные руководительнице чайной тов. Блинниковой и председателю райпотребсоюза тов. Чупакину:

Часы работы нашей чайной,
Наличие горячих блюд —
Здесь все неверно, все случайно,
Ходить сюда — напрасный труд!

После чего была сделана очередная прозаическая запись в жалобной книге.

В тот же день состоялись беседы с двумя другими выдающимися деятелями общественного питания: председателем Меловского райпотребсоюза Ворошиловградской области тов. Резником и заведующей столовой № 1 гор. Станислава тов. Квашевой.

— В работе нашей районной чайной имеются большие трудности,— сказал, подавляя тяжелый вздох, тов. Резник.— Налицо значительная категория граждан, которая делает главный упор на принятие горячей пищи. В общем, норовит пообедать и поужинать на базе общественного питания. Наряду с этим мы имеем большую прослойку потребителей с твердой установкой на спиртные напитки. Между тем граждане едоки совершенно не считаются с товарищами выпивающими и предъявляют к ним такие, например, требования, извините за выражение: не выражаться, не курить, не плевать и не производить на полу массовый сев окурков и даже, представьте, не учинять скандалов и драк! Конечно, все эти требования предъявляются не прямо, а, так сказать, окольным путем — через нас, через администрацию.

Судите же сами,— заключил тов. Резник,— сколько тяжелых хлопот доставляют нам непьющие потребители...

В кратком, но содержательном интервью заведующая станиславской столовой № 1 тов. Квашева заявила с подкупающей скромностью:

— У каждого свой стиль работы. Мой стиль — отношение к посетителям, как к дорогим гостям, которых хочется удержать подольше. И какие они, голубчики,— пьяные ли, трезвые ли,— это мне в высокой степени...

Здесь на самом интересном месте беседа была прервана. Неделикатный сквозняк распахнул без доклада дверь кабинета, и из обеденного зала вместе с клубами табачного дыма хлынул разноголосый шум:

— Безобразие! Полтора часа ждем второго блюда!

— Налей бока-а-ал, в нем нет ви-на-а!..

— Братцы, караул, наших бьют!

— Послушайте, вы не имеете права! Вы обязаны дать жалобную книгу!

Тов. Квашева заботливо прикрыла дверь и сказала с улыбкой:

— Нормально! Вот так и работаем, стараемся по мере сил...

К сожалению, посетить столовую в районном центре Балахта, Красноярского края, нашему корреспонденту не удалось. Вдвойне досадное обстоятельство, поскольку в этой столовой готовят не хуже, чем в московских ресторанах! Впрочем, для местных жителей подобные обстоятельства давно уже не новость. И тому есть важная причина.

С некоторых пор в Балахте наблюдается странное явление: общественная жизнь вступила в противоречие с общественным питанием. Бурно развивается общественная жизнь этого районного центра. Чуть не каждую неделю совещания, пленумы, конференции! И в эти дни столовая обслуживает... только делегатов, для всех же прочих граждан она заперта на семь замков.

В день, когда писались эти строки, у заветных дверей собрались рядовые искатели готового вкусного обеда. Перед ними выступил с яркой речью администратор столовой.

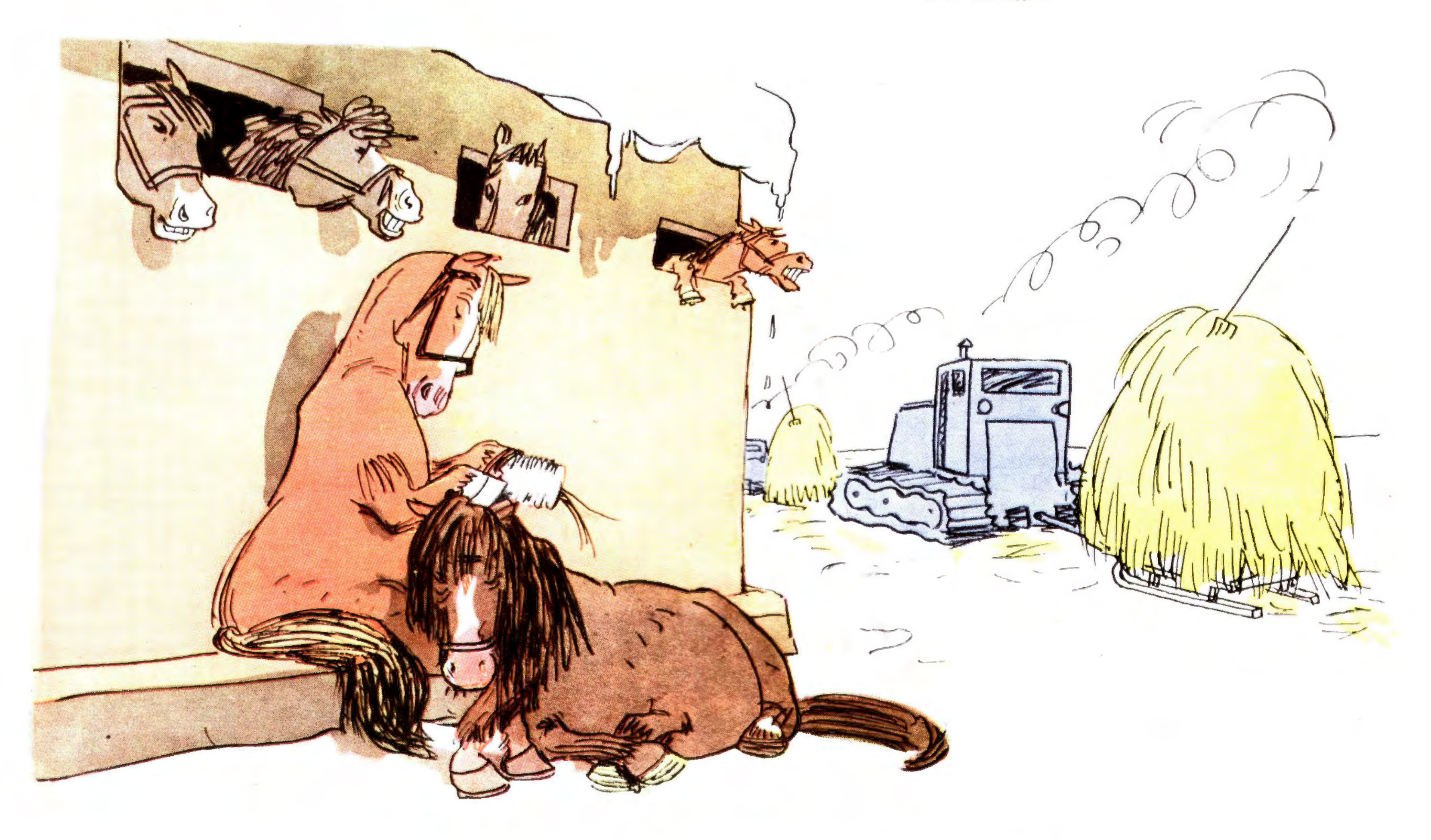
— Граждане, будьте сознательными! — сказал он.— В третий раз повторяю: идет сессия райсовета, сессия как раз обсуждает вопросы общественного питания, и мы на данном отрезке питаем только ее участников. Вот через денек — другой закончится сессия, и ежели ничего такого аналогичного не будет, — милости прошу к столу!

Граждане молчаливо расходились, пережевывая на ходу проблему общественного питания. Проблема была жесткой и невкусной...

В репортаже участвовали корреспонденты — читатели «Крокодила»: А. ШИРШОВ, А. КОЖЕМЯКО, С. ПОВИЛАНКИН, В. КУРДОВ.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

В некоторых колхозах плохо используют в работе лошадей.

— Не знаю, чем и заняться, прямо истосковалась от безделья!

ПРЕДВЕСЕННИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

— Весна наступает, скоро грачи прилетят, наш председатель с агрономом из города переедут, глядишь, и секретарь райкома заглянет...

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Книжная полка Крокодила

Аллюры храбреца

Мы не будем размахивать критической дубинкой. Как удалось установить, это вредно отражается на творческом росте не только юных дарований, но даже и писателей, которые считают себя без пяти минут классиками.

Мы не собираемся также наклеивать ярлыки. Пусть все выводы делают сами читатели. Они достаточно грамотны, чтобы разобраться и понять, что к чему.

Мы только написали пять приведенных выше эпически-спокойных фраз и разрешим себе привести еще несколько фраз в виде заключения. Все остальное — цитаты. Ответственность за смысл, грамотность и стиль целиком ложится на автора:

«...Чуть вздернутый носик глядел сам собою довольно кокетливо» (стр. 25).

«В компании с одним зубным техником Томбадзе наловчился изготовлять латунные коронки «под золото» для тех, кто хотел по дешевке блеснуть своим ртом» (стр. 33).

«Размягченный Ниной, Леон обещал в следующий раз привезти не только долг за золото...» (стр. 36).

«Здесь автор обязан отойти немного в сторону, оглянуться и что-то новое понять в многосмысленных страницах, в страницах со скорбью, с гневом любимых повестей истории России» (стр. 36).

«Он так и воспринимал жизнь, Леон Томбадзе,— брюхом. Но брюхом в широком смысле этого слова: не одним лишь вместилищем для шашлыков, вин и прочих элементарнейших наслаждений» (стр. 40).

«Его можно испугать, потому что под аллюрами храбреца он последнейший трус. Это человек-желудок» (стр. 41).

«У Петра Алексеевича не одна борода, есть и лицо» (стр. 84).

«Семья Алексея жила по-своему. От зимороевского корня деревцо отросло в сторону, и яблоки от него упали на расстояние, равное по величине исторической эпохе» (стр. 85).

«Это была заметная прослойка в пухлом теле котловской буржуазии» (стр. 93).

«Крупная овчарка зарычала было, но тут же, узнав посетителя, подавилась и пошла к нему, развратно виляя длинным телом и сворачивая на бок морду» (стр. 95).

«Старое время рода Бродкиных высовывало чахлое лицо в рамке нищеты, привычного, на грани дистрофии, хронического недоедания и личной безопасности на грани погрома, никогда не грозившего Трузенгельдам» (стр. 99).

«А ведь на самом-то деле весьма интересно и поучительно знать, что Иксанов плел свои веревки-удавочки из нитей старых тканей, из жилочек, хотя и старинных, но не лишенных влияния понятий» (стр. 120).

«В число оборонительных бастионов, которыми окружал себя горный мастер, входила бутылка водки» (стр. 184).

«У нас как-то само собой повелось, что пьянствовать так уж и совсем без повода «не положено». В российском словаре давно порхает летучая фраза: «Веселие Руси есть пити». Не одобрение кабацкого разгула, не призыв к пропиванию имущества, к утоплению в зеленом вине молодецкой удали, а вопрос, презрительное осуждение пьянства, укор и грусть гуманиста слышатся в этих словах» (стр. 185).

«Бродкин вспомнил, что сама Рика выскочила за убитого на войне Мейлинсона шестнадцати с чем-то лет от роду» (стр. 206).

Все это точные цитаты из пухлого романа Валентина Иванова «Желтый металл», только что изданного «Молодой гвардией», очевидно, с благим намерением помочь воспитанию юного поколения.

Книга вышла тиражом в 90 тысяч экземпляров. Школьные учебники русского языка издаются миллионными тиражами. Но, судя по всему, двух экземпляров учебника не хватило: одного — автору романа «Желтый металл» В. Иванову и второго — редактору издательства «Молодая гвардия» Г. Прусовой.

Пожалуй, лучше всего о стиле и грамотности книги молодые читатели могли бы сказать словами самого автора В. Иванова:

«Вы же обманом портите наш вкус с раннего детства, приучаете к пошлости, развращаете глаз» (стр. 273).

На этот раз цитата не вызывает возражений.

В. КУКАНОВ

Иллюстрации Е. ВЕДЕРНИКОВА.

За зеркальным стеклом

Никогда так не бывает, чтобы в споре или раздоре была виновата только одна сторона. Тогда не существовало бы ни споров, ни раздоров. Всегда вы, что называется, положите противнику палец в рот, а уж он постарается отхватить всю руку.

Правда, в начале своего спора с закройщиком Иван Никанорович считал себя совершенно безгрешным и, когда надел пиджак, принесенный ему для примерки, довольно едко заметил закройщику:

— Вы что же это, уважаемый товарищ, с чужого плеча решили меня одеть?

Кругленький бритоголовый закройщик наморщил лоб гармошкой.

— То есть как?

— А так! Костюмчик-то не мой. Видите: кругом болтается. Тут полтора таких Ивана влезет!

— Что за мистика?! — удивился закройщик. Бормоча лестные слова насчет чьих-то глаз, которые, очевидно, «повылазили», если ему «подсовывают всякую дрянь», он сдернул пиджак с плеч заказчика и юркнул за занавеску.

Иван Никанорович остался в окружении зеркал и имел редкое удовольствие оглядеть себя со всех сторон.

«М-да! Не больно складен стал! — со вздохом подумал он.— В молодости, бывало, что ни надень, все как доброму вору впору. А теперь все магазины обегал и не мог костюм подыскать. По плечам пиджак подберешь — на животе не стянешь, в талии хорош — на плечах висит. Так вот и пришлось заказывать костюм в ателье...»

Не успел, однако, Иван Никанорович налюбоваться своей фигурой, как закройщик вернулся. В его спрятавшихся под лоб быстрых глазках мелькали первые вестники гнева.

— Что вы мне голову морочите? — не менее едко сказал он заказчику.— Ваш это костюм. Вот квитанция, а вот нашивки на пиджаке, и номер тютелька в тютельку, и фамилия одна — И. Н. Топоров.

Уверенность Ивана Никаноровича в его непогрешимости слегка поколебалась. Он молча отставил назад руки, будто собрался прыгнуть в воду от жгучего стыда за свою оплошность, и пиджак, масляно блеснув саржевой подкладкой, снова ловко скользнул на его плечи.

— Ну что же вам еще надо? Что вам надо? — наседал закройщик, одергивая пиджак с таким рвением, будто задался целью поставить заказчика на колени.

— Да ведь что надо? Хороший костюм надо! — все же пробовал отбиваться Иван Никанорович.— Надо, чтобы пиджак был тютелька в тютельку, а не только номер.

В кабине завязался эмоционально насыщенный дуэт на высоких тонах, из которого толпившиеся в зале заказчики могли лишний раз заключить, что нет заказа без конфликта.

Дуэт привлек к кабине и самого директора ателье. Отдернув занавеску, он предстал перед спорящими, всем своим видом опровергая устаревшую пословицу о сапожнике, который якобы всегда ходит без сапог. На нем был отлично сшитый пиджак и брюки, отутюженные до ножевой остроты. Румяный, с голубыми глазами навыкате, он, если бы не двигался, вполне мог сойти за один из манекенов, стоявших во всех углах ателье. Но он двигался и даже внушительно произнес:

— Во всяком уважающем себя ателье должна быть тишина, как в храме!

— Да вы посмотрите, товарищ директор, какие мешки шьют в вашем «храме»! — потряс Иван Никанорович полами пиджака.

При слове «мешки» директор обиженно поджал губы. Он обвел заказчика критическим взглядом, и в его голубых глазах отразилось тягостное подозрение.

— А вы — это вы?..

Уверенности Ивана Никаноровича в его непогрешимости был нанесен новый удар, он недоверчиво ощупал себя.

— Нет, это однофамилец,— подсказал со стороны высокий гражданин в очках.

— Вы, гражданин, не острите! — величественно отпарировал директор.— Тут вам, извините за выражение, не театр сатиры, а ателье высшего разряда. Заказ мог сделать один, а получать пришел другой.

Этот любезный обмен мнениями собрал всех любопытных.

— Гражданин, а вы когда проверяли свой вес? — спросил вдруг Ивана Никаноровича сутуловатый седенький старичок.

— Давненько не приходилось,— признался Иван Никанорович.— А что?

— Я каждое воскресенье вас тут вижу. Что-то вы последнее время будто с лица сдали. Вроде бы похудели здорово.

— А-а-а! Так вот она в чем, причина! — воскликнул закройщик, точно ему удалось открыть, по меньшей мере, закон всемирного тяготения. Он сдернул перекинутый через шею портняжный метр, и не успел Иван Никанорович глазом моргнуть, как текстильная змея обвилась вокруг его живота.— Сто семь сантиметров. А когда я у него заказ принимал, было сто семнадцать. Теперь все понятно! Вот, пожалуйста! Вот полюбуйтесь! Он худеет, а закройщик виноват! К черту! К черту такую работу! Сам уйду в заказчики! Сам буду измываться над закройщиками!

Так оказался виновным в конфликте и Иван Никанорович. Похудел, подвел людей! Уверенность безгрешного человека окончательно покинула его. Он растерянно топтался на месте под недобрым взглядом директора ателье.

— Ну что ж вы, драгоценный? — цедил тот сквозь зубы.— Клиент должен быть постоянных габаритов и объема, иначе никакое уважающее себя ателье не согласится его обслуживать. Может быть, вам жена изменила, вот вы и худеете, а мы тут при чем?

— Да что вы! — даже смутился Иван Никанорович.— Она уже внучку замуж выдает.

— В общем, я отказываюсь работать с такими неустойчивыми клиентами, которые на глазах усыхают,— категорически заявил закройщик.— Вы заметьте, товарищ директор, он сюда уже раз пятнадцать приходил и каждый раз скандалит: и на примерках и между примерками. Жалобу уже писал! Жалобу!..

В выпуклых глазах директора отразилась крайняя степень изумления: «Жалобу писал? Ну, знаете, ниже этого пасть нельзя!»

— А-а-а! Так вот она в чем, причина! — забасил вдруг высокий гражданин в очках.— Теперь и нам все понятно! Они вам, папаша, первую примерку недельки на две задержали?

— Да, около этого...

— А до второй еще месяц заставили ходить?

— Как в воду глядели!

— Собственный печальный опыт, папаша... Костюм-то, наверное, месяца два назад надо было обновлять?

— Ну да! Если бы, конечно, все шло, как в квитанции расписано.

— Вот вы и похудели! Это они вас тут укатали. До жалобы, значит, дело доходило?.. Ну, представляю удовольствие! Вы, папаша, брюки померяйте, они вам теперь, наверное, длинноваты. Сюда ходивши, ноги до колен сотрешь.

— Пятнадцать раз побывать в этом «храме»... нервотрепки! Да его же еще и винят в том, что он похудел! — покачал головой седенький старичок и указал на развешанные по простенкам геральдические щиты, на которых зеркалом по шоколаду была расписана «номенклатура изделий»: — Да, украшений вы тут навешали действительно как в храме.

— Чучел разных, слава богу, понаставили!

— Во всяком уважающем себя ателье этот минимальный минимум декорума должен быть,— внушительно ответил директор.

— А как бывает в ателье, уважающем заказчиков? — с невинным видом спросил гражданин в очках.

— Кого?

— Ну, клиентов, нас вот то есть!

— Вас? Как это? — удивился директор.

— Хе-хе-хе! — развеселился седой старичок.— Видал-миндал, он даже не знает, как это так уважать заказчиков!

— А так: может быть, шьют без брака, может быть, сроки выдерживают, которые сами же назначают при заказе? Берегут нервы клиентов, не заставляют их ходить месяцами...— терпеливо разъяснял высокий гражданин.

А седенький старичок присовокупил, что лично он ходит в это гостеприимное ателье за демисезонным пальто примерно с ноева потопа, точнее, уж он и не помнит.

Разговор принял неприятный оборот. На нежно-розовом лице директора заиграли густые краски. Он как-то съежился, стал меньше, будто сошел с пьедестала и превратился в простого смертного. И, как присуще многим смертным, постарался отвести удар от своей головы на чужую.

— Что вы мне тут дискуссии разводите? — обрушился он на закройщика.— Тут вам не ассамблея, а ателье высшего разряда! Возьмите у этого заказчика костюм и урежьте, сколько его душе угодно. Хоть половину! Желание клиента — для нас закон! Святая святых! Не мы для нас... то есть... не они для них... тьфу! В общем, режьте!

— Не давайте, не давайте им костюм! — заволновались заказчики.— Они вас еще год заставят ходить. Из вас тень сделают, а из костюма — тришкин кафтан.

— Берите, как есть. Развяжитесь с этим ателье, сразу пойдете на поправку. И костюм станет впору.

Иван Никанорович внял гласу благоразумия. Тем более, что серьезно опасался остаться к свадьбе внучки в старом костюме. Он доплатил остаток стоимости заказа, расписался в квитанции и через несколько минут появился на улице со свертком.

Первое, что он сделал,— глубоко вздохнул и отер лоб. Потом огляделся, с трудом соображая, в какой же стороне теперь его дом.

Взгляд Ивана Никаноровича остановился на огромной витрине ателье. Сквозь узоры, наведенные на зеркальное стекло морозом, виднелись крымские горы и шпили кипарисов на фоне голубого неба. Между морозным стеклом и крымской благодатью стремились навстречу друг другу «он» и «она». «Он» — щеголь в безукоризненном сером костюме, «она» — волоокая красавица в роскошном розовом платье.

— Заманиваете заказчиков? — спросил у парочки Иван Никанорович и вдруг мстительно показал им солиднейший кукиш.— Другой раз вот заманите!

А те безразлично разводили руками: «Мы-то при чем?»

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— ...и вот я поставил картину без участия моей жены, точно в назначенный срок и не превысил смету...

Степан ОЛЕЙНИК

Я помню, на шахте,
В одном общежитье,
С улыбкой сказал старичок-комендант:
— Чтоб дело наладить здесь,
Надо, учтите,
Любовь проявлять к нему,
Нужен талант!

Я слышал не раз
О труде его славном
С газетных полос
И с высоких трибун...
Но мне повстречался
В Донбассе недавно
Другой комендант — Харитон Балакун.

Откормленный, гладкий,
В папахе солидной,
Трубою дымила цигарка в зубах.
Двенадцать профессий сменил он,
Как видно,
Чтоб жить — не тужить
На дешевых хлебах.

— А грязь-то у вас
Под столом, у кровати!.. —
Сказал я.

Сначала он скромно притих.
И тут же признал:
— Замечание кстати,
Но... веников нет у нас,
Как таковых.

Отбросив цигарку,
Достал он тетрадку,
Как будто доклад собираясь прочесть.
— Я сам расскажу вам сейчас по порядку,
Чего у нас нету и что у нас есть.

В разгаре зима...
Выражаясь практично,
Она нам немало доставила бед!
Взгляните на градусник этот
Критично,
Нормальных калорий тепла
У нас нет...

Неплотно подогнаны двери и рамы.
Что печь не в порядке,
Отнюдь не секрет.
Взялись мы за это,
Но скажем вам прямо:
Прямых результатов пока еще нет...

Я самокритичен
И в области быта
Могу недостатки сейчас перечесть.
ЧЕГО У НАС НЕТ,
Я сказал вам открыто.
Теперь разберемся-ка,
ЧТО У НАС ЕСТЬ.

А есть у нас,
Как я недавно прослышал,
Нехватка замазки,
Есть в крыше дыра.
По этой причине
Забраться на крышу
Попытку я лично предпринял вчера.

Есть факт,
Что рассохлись пожарные бочки.
И как починить их,
Имеется план.
Потребность есть давняя
В радиоточках
И в том, чтобы в ванной поставили кран.

Есть акты...

Тут лампа внезапно погасла!
Запнулся оратор.
Я молча встаю...
Хоть стало темно,
Только все было ясно!
На том я и кончил свое «интервью».

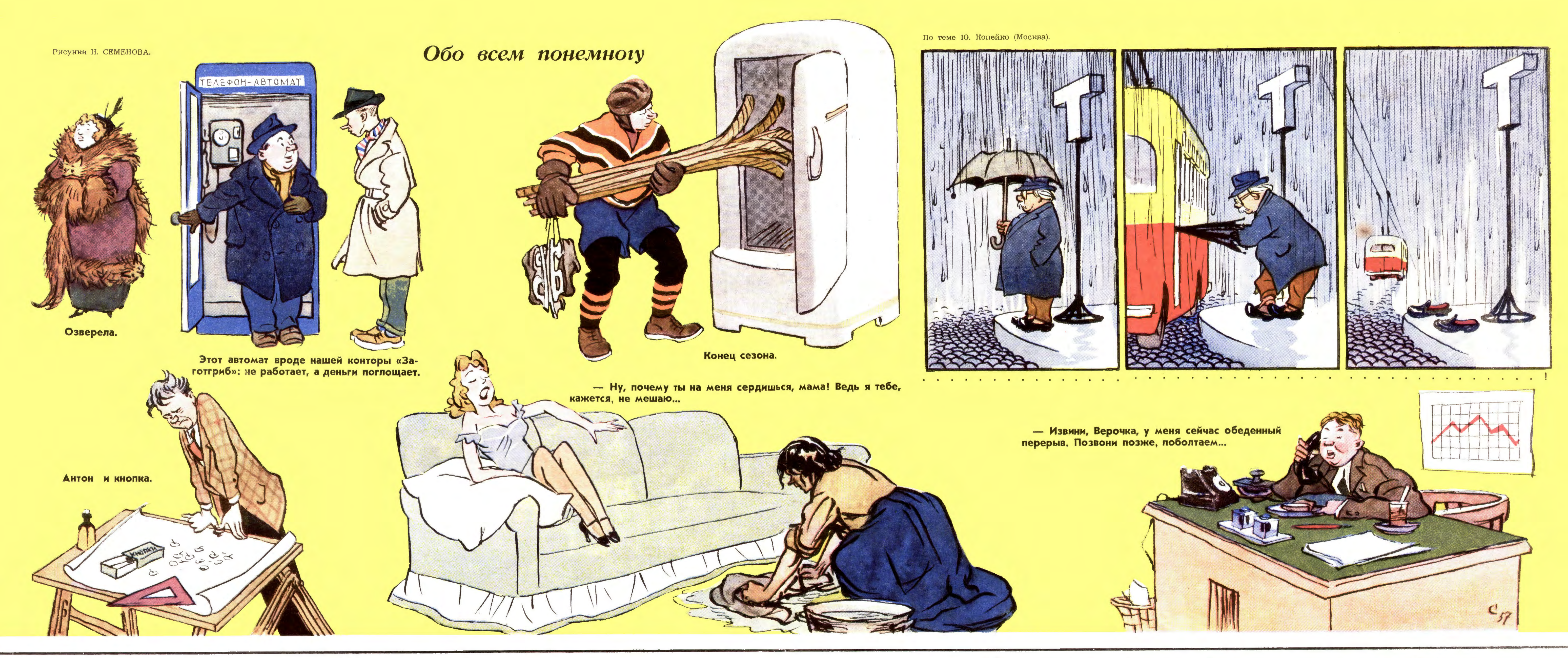
Ему на собраньях бывает несладко.
Не раз обещал он «ошибки учесть».
...Хоть нет до сих пор
В общежитье порядка,
Он все ж комендантствует.
Все же он есть!

Перевел с украинского
А. НИКОЛАЕВ.

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Обо всем понемногу

Озверела.

Этот автомат вроде нашей конторы «Заготгриб»: не работает, а деньги поглощает.

Конец сезона.

По теме Ю. Копейко (Москва).

. . . . !

— Ну, почему ты на меня сердишься, мама! Ведь я тебе, кажется, не мешаю...

Антон и кнопка.

— Извини, Верочка, у меня сейчас обеденный перерыв. Позвони позже, поболтаем...

СОРОК ЗИМНИХ НЕБЫЛИЦ

Днем и ночью по бескрайним целинным просторам, как ошалелые, несутся грузовики. Кругом курится нескончаемая поземка, бушуют злые, колючие бураны, а водители наперекор им мчатся сквозь метель и пургу, совершают по два — три дальних рейса в день, вывозят с самодельных, наспех слаженных глубинных токов на элеваторы обильный урожай прошлого года.

Метели безжалостно заносят то, что недавно еще называлось дорогой. Шоферы снова и снова прокладывают по снежной целине свежие колеи, по которым покорно следуют другие машины. Следуют... до очередного бурана.

И вот по такой «бездорожной» дороге, бразды пушистые вздымая, несутся две встречные машины. Колея узкая, разъехаться, разойтись немыслимо. Ракетами взлетают, подогревая морозный воздух, крепкие шоферские словечки... Кому охота возвращаться обратно задним ходом чуть ли не пятнадцать километров! Исчерпав весь свой богатый лексикон, водители решительно покидают кабины и, увязая в снегу, бросаются... друг другу в объятия.

— Здоровеньки булы, друже любый! Кого вижу? Утебай Жиреншеев?!

— Селям тебе, жолдас Остап Нудьга! Привет и еще раз привет, дорогой Остап! Как живешь-можешь?

— О жизни поговорим позже. Бери-ка лопату, и давай расчищать колею!

— Есть взять лопату!

Друзья принялись за работу, но тут не то что с двумя лопатами, но и двум снегоочистителям было не справиться.

— Придется дожидаться утюга! — угрюмо проворчал Остап.

И, не заглушив моторы, водители устроились в теплой кабине «ГАЗ-51» Утебая. Старые приятели по совместной службе в воинской авточасти, они продолжали дружить и на «гражданке». Еще в полку оба слыли непревзойденными мастерами небылиц. Неистощимые на выдумки, они могли целый день провести в словесном поединке: кто кого перехлестнет и кто первый выложит сорок самых вздорных небылиц.

Но сегодня им было не до вранья. Усталые, измученные дальней и тяжелой дорогой, они искренне обрадовались случайной встрече и откровенно поделились своими горестями.

— Теперь рассказывай, как живешь, дружище Жиреншеев!

— Хорошо живем, жолдас Нудьга! Вот закончу вывозку, в Москву поеду, к академикам, в главный институт математики. Зачем, спросишь? Открытие сделал. Да, да, твой друг Утебай Жиреншеев доказал, как дважды два четыре, что если поехать дальней дорогой, это будет ближе, а вот если поехать другой дорогой, ближней, это будет дальше.

— Как же это так? — удивился Остап. — Ближе, говоришь, дальше?

— А что тут непонятного? Ехать бы мне с зерном из Чистополя на Джаксы за восемьдесят километров. Так нет! Занесло, оказывается, какой-то участок в два — три километра — и без утюга не пробиться. Остается одно — ехать на Кокчетав, за сто девяносто пять. Так получается ближе и быстрее. А у тебя как дела, дорогой Остап?

— Видно, и я подамся к академикам. Да, да! Я доказал, что можно не только переливать, но и перевозить из пустого в порожнее. Ты что, не веришь? Послушай же! Я вывожу хлеб из глубинок, где его кое-как забунтовали, и доставляю на Золоторунный пункт «Заготзерно», где нет никаких складов, сваливаю хлеб прямо на снег. Бывший же господь бог сверху новым снежком его посыпает...

То, что рассказали Жиреншеев и Нудьга, было истинной правдой. Но им, привыкшим друг друга разыгрывать, правдивая беседа быстро прискучила. Наступило долгое, томительное молчание. Как вдруг карие глаза Жиреншеева загорелись лукавым огоньком. И он, вспомнив старое доброе время, решил разыграть своего друга:

— Слыхал, Остап, новость? По всей трассе открылись чайные для шоферов. Какие чайные! Когда бы ни вернулся с рейса, всегда к твоим услугам горячая пища...

Новость была невероятной и фантастической. Остап воспринял ее как вызов, и былое соперничество вспыхнуло с новой силой.

— Нашел чем удивить! — спокойно отпарировал он. — Теперь, если хочешь знать, даже в столовой Рузаевского совхоза тебе предложат на выбор восемнадцать блюд!

Жиреншеев и виду не подал, что сомневается в рассказе Остапа, и, выразив показное удивление, припас для приятеля более потрясающую новость:

— Знаешь ли ты, сколько по области курсирует автолавок? Тридцать пять тысяч. И только для нас с тобой, для шоферов. Вот это забота!

Остап, однако, не сдавался и вдохновенно продолжал:

— Ну, если о заботе зашла речь, так я тебе скажу такое, что ты закачаешься! Завтра всем шоферам выдадут полушубки, ватники и валенки! Что ты на это скажешь?

— Что я могу сказать? — невозмутимо ответил Жиреншеев. — По такому торжественному поводу не мешало бы устроить пир — по-нашему «той», — бес-бармак отведать. Большое событие! И на этот той пригласить председателя правления Кокчетавского потребсоюза, самого тов. Муковозчика. В почетный президиум его выбрать...

Друзья выкурили по папироске и снова принялись за небылицы.

— Вот придет снегоочиститель, довезу зерно, вернусь к себе, — закурив папиросу, размечтался Жиреншеев, — и полежу в вагончике отдыха. Какое это удовольствие! Просушу портянки и валенки, напьюсь горячего чаю, просмотрю свежие газетки, журналы почитаю, захочу — радио послушаю! А то скитаешься, как верблюд, и от жизни отстаешь.

И Остап Нудьга ответил в тон Жиреншееву:

— А нам и без вагончиков хорошо! Для шоферов такое общежитие отгрохали!.. Коечки заправлены — любо-дорого глядеть! Занавески... тюлевые... Чистота! Так и не хочется уходить! И кто показал пример? Пшенянник, директор Бостандыкского совхоза, и Ленгаров, директор Берликского совхоза. Без всяких напоминаний, без бумажек позаботились о шоферах.

— Нет, жолдас Остап, если есть на свете волшебная сила, так это в бумажке! Ты знаешь, сколько постановлений было вынесено об этих вагончиках? Не счесть! Как звезд! А бумага, она в конце концов взяла свое: имеем и вагончики и общежития...

...Подул резкий ветер. Мороз явно крепчал. Но никому из друзей не хотелось прерывать приятной беседы. Каждый прекрасно сознавал, что оба рассказывают явные небылицы: вагончиков отдыха нигде в области не было и нет; никакими постановлениями не заставишь некоторых директоров благоустроить общежития для шоферов; чайные для водителей существуют только на бумаге; полушубки и ватники шоферам будут выданы, судя по всему, не раньше уборочной, а валенки, прибывшие из Караганды специально для водителей, едва придутся по ноге их ребятишкам... Но Остапу и Утебаю не хотелось расставаться с такими приятными небылицами! Они вроде как обогревали, с ними было легче переносить злую зимнюю стужу.

Но, помимо воли приятелей, их мирная беседа была нарушена неожиданным появлением снегоочистителя, присланного начальником дорожного управления тов. Чепелем. Машина быстро расчистила путь.

Появление снегоочистителя было самой невероятной небылицей. Утебай Жиреншеев и Остап Нудьга от неожиданности онемели и, не попрощавшись, быстро разъехались в разные стороны. Наперекор неистовым казахстанским буранам...

Е. ВЕСЕНИН,
специальный корреспондент «Крокодила».

Кокчетавская область.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

НА ИТАЛЬЯНСКОЙ СЦЕНЕ

Итальянские власти отказали Давиду Ойстраху в визе на въезд в Италию.

— Вместо объявленного концерта советского скрипача будет лекция «Железный занавес в СССР».

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Торговая ширма

В Западной Германии американские разведывательные организации, вербующие шпионов, маскируются под «торговые фирмы».

На вывеске надпись: «Торговая фирма».
Вглядишься поближе — не фирма, а ширма.
Не соль на прилавке, не мыло, не джут,
Не сахар,— торгуют лишь подлостью тут.

Клиенты: альфонсы, погрязшие в блуде;
Предатели — те, что, подобно Иуде,
Готовы за доллар забыть, кто им брат,
И брата «приветствовать» связкой гранат;
Бандюги без крова; их братья по крови —
Бандиты печати — сословье злословья;
Изменники родины, и беглецы,
И просто без всяких примет подлецы,
Кто бит был не раз на веку своем раньше
И в сердце лелеет мечту о реванше,
Мечту появиться бы в энской стране
На белом паккарде, то бишь на коне,
Чтоб честных людей засадить за решетки...
Торгуют собою навынос кокотки
И хвалятся: с нами, мол, бог и народ,
По образу США переделаем мир мы...

На вывески глянешь: «Торговые фирмы»,
Вглядишься поближе — предательский сброд!

ЕЩЕ ОДНО САМОРАЗОБЛАЧЕНИЕ

Получив сообщение о пресс-конференции советских и иностранных корреспондентов в Московском Центральном Доме журналиста, на которой выступили бывшие агенты американской разведки Н. Якута, М. Кудрявцев, А. Новиков и К. Хмельницкий, некоторые впечатлительные сотрудники газеты «Уолл-стрит джорнэл» ужасно разволновались.

Они бегали по коридорам, хватали своих коллег за пуговицы и нервно восклицали:

— Слышали? Это ужасно! И ведь, главное, не опровергнешь!

На это видавшие виды редакторы «Уолл-стрит джорнэл», усмехаясь, возражали:

— Ничего ужасного. Ну, разоблачили. Ну, изобличили. Это бывает. Французы говорят: на войне как на войне. Выпейте кока-кола и успокойтесь.

— Как ничего ужасного?! — горячились первые.— Провал ведь! Надо срочно принимать какие-то меры, извлекать какие-то уроки, делать какие-то выводы...

— Уроки пусть извлекает Центральное разведывательное управление,— хладнокровно отвечали вторые.— А насчет выводов — это верно. Этим надо заняться.

И занялись. Написали редакционную статью. Напечатали. В статье очень мужественно сказано:

«Если эти люди действительно занимались таким делом, как шпионаж в пользу Соединенных Штатов, то мы крайне сожалеем, что они пойманы».

«Уолл-стрит джорнэл» крайне сожалеет, что Н. Якута и другие из штатных американских разведчиков превратились в штатских советских граждан. В самом деле, ликовать по этому поводу органу Уолл-стрита не приходится.

Но едва дописав эту безрадостную фразу, редакторы «Уолл-стрит джорнэл» понимающе переглянулись и хором сказали:

— А теперь пора переходить и к выводам!

И нацарапали:

«Если мы следим («шпионим» — такое неприличное слово! — *В. А.*) только за неугодными нам странами, то мы поступаем очень наивно. Было бы лучше, если бы мы следили также за теми, кому мы неугодны в настоящее время, и за теми, для кого мы можем оказаться неугодными завтра».

Вот она, позитивная программа! Вот она, железная логика! Пусть, мол, сели в лужу,— надо продолжать не только в том же духе, но и в более широких масштабах...

К разоблачениям последнего времени, связанным с деятельностью американских любителей «холодной войны», можно приплюсовать, таким образом, еще одно. Газета «Уолл-стрит джорнэл» сама разоблачила свою рьяную приверженность к политике провокаций и диверсий против стран социализма.

В. АЛЕКСАНДРОВ

СЛЕЗЫ ЧУВСТВИТЕЛЬНОЙ БАРБАРЫ

Барбара Уорд — очень чувствительная дама. Она непрерывно обижается.

Оказывается, во всем виноваты эти противные азиаты и африканцы. Они действуют Барбаре на нервы. Они ведут себя неприлично. Представьте себе только, они не хотят быть рабами. Это же по меньшей мере негалантно!

Неужели обитатели двух частей света не понимают, что их желания не устраивают Барбару? Барбара шокирована. Больше того, она рвет и мечет. Она топает ножкой.

Этот топот слышен не только в будуаре Барбары Уорд, но сразу на двух континентах — европейском и американском. Дело в том, что капризная Барбара — журналистка. Она англичанка, но часто выступает со своими стенаниями и сетованиями в американской прессе. Нервная дама прекрасно понимает и видит, что любезный ее сердцу колониализм попал в беду. И, не очень надеясь на английского рыцаря, она взывает о помощи к рыцарям американского бизнеса. Хотя благородства у них и не больше, зато кошельки тяжелее.

Барбара так часто закатывает свои публицистические истерики в прессе США, что, каемся, мы однажды приняли ее за американскую журналистку. Расстроенная дама выступила тогда в журнале «Атлантик». Прилагая самые трогательные усилия для спасения колониализма, Барбара давала в статье мудрые советы. Она говорила примерно так: надо объявить, что колониализм исчез, и все поверят. А тогда (мы, мол, хитрые!) взять да и придумать «новый метод сохранения духа старой колониальной службы».

Однако этот гениальный проект, почерпнутый, видимо, Барбарой Уорд из опыта игр в пятнашки, прятки или жмурки, запомнившихся ей со времен детства, как ни странно, не помог. И не удивительно: народы Азии и Африки не хотят колониализма ни в старом, ни в новом варианте.

И вот в статье, напечатанной недавно журналом «Нью-Йорк таймс мэгэзин», безутешная Барбара, рыдая, признает этот горестный факт.

«Вопрос больше не стоит о том, могут ли африканцы добиться равенства,— поджав губы, скорбно признает она. И тут же добавляет: — **Все более важным становится вопрос, не утратят ли это равенство белые мужчины и женщины».**

Итак, видя, что колониализм гибнет, приятная во всех отношениях империалистическая дама хочет спасти его провокацией. Падая всем напоказ в обморок, она кричит:

— Караул! Если получат равенство цветные, они поработят нас, белых! SOS! Спасите наши души!

Этот свой панический вывод госпожа Уорд, разумеется, не подкрепляет никакими вескими доводами и аргументами. Да и, между нами говоря, откуда она их возьмет?

Оповестив мир о страшной опасности, грозящей «белой расе», Барбара энергично нюхает нашатырный спирт и, придя в себя, вновь топает ножкой. Нет, народы Азии и Африки положительно выбивают Барбару из колеи! Подумать только, какого бесценного блага они сами себя лишают, отказываясь от прелестей колониального рабства!

Это может показаться невероятным, но Барбара всерьез уверяет, что африканцы и азиаты рождены быть рабами.

Если верить Барбаре, в Африке, например, слуги-туземцы обижаются, когда их соотечественникам, находящимся в гостях у белых, предлагают хорошие блюда. «На кухне воцаряется уныние. Обед подается с меньшей, чем обычно, аккуратностью».

Если верить Барбаре, индийцы «были готовы с большим великодушием простить проявления грубого белого расизма со стороны некоторых нетерпимых мэм-сахиб» (жен английских чиновников). Но Барбара умалчивает о том, что индийцы почему-то предпочли издевательствам мэм-сахиб и другим подобным благодеяниям национальную независимость своей страны.

«Между таким англичанином, как Глабб-паша, и покойным королем Иордании Абдуллой,— пишет, роняя слезы умиления, госпожа Уорд,— чувство равенства дошло почти (?!) до того, что они стали считать себя кровными братьями».

И тут Барбара опять-таки стыдливо умалчивает об одной исторической подробности: Глабб-паша был столь ревностным поборником «равенства», что арабы сочли за благо выдворить этого «кровного брата» из Иордании отнюдь не родственным образом.

Естественно, что подобные щекотливые экскурсы в историю нимало не способны успокоить разволновавшуюся даму.

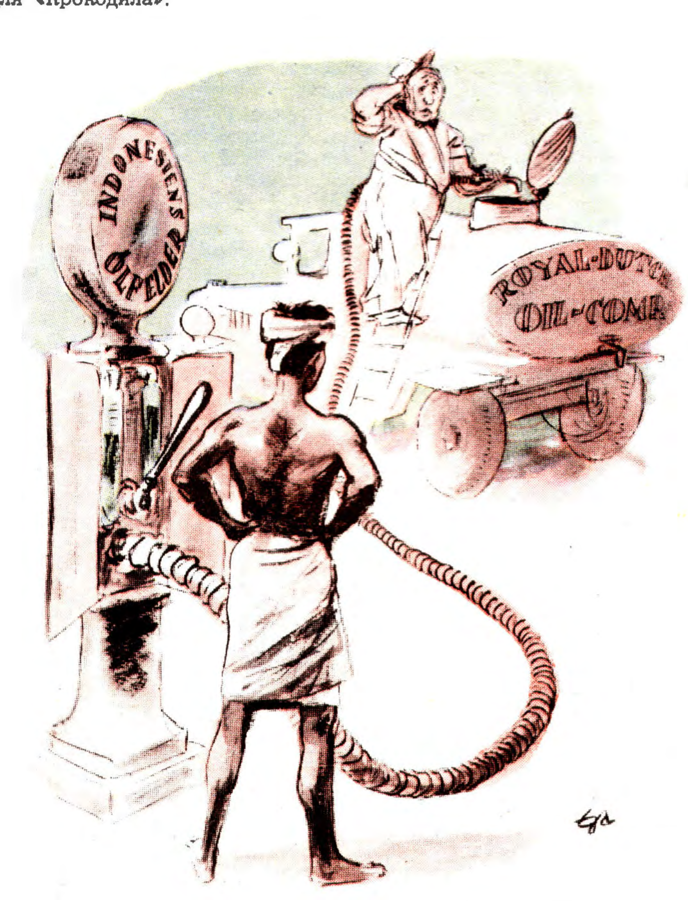
К тому же ей сильно действуют на нервы СССР и Китай. «Две главные коммунистические страны,— вздыхает Барбара,— не знают расового вопроса... В России живут крупные азиатские народности, с которыми русские свободно общаются». Вот они, «ужасы коммунизма»!..

Судя по статьям Барбары Уорд, она отнюдь не гений. Однако мы полагаем, что даже и до своей новой проповеди колониального рабства она дошла не одним только своим дамским умом. Просто эта дама не отстает от моды. А тем, у кого ныне в моде «заполнение вакуумов» в странах Востока, приходится довольствоваться и такими проповедниками, как Барбара. Ведь все равно сколько-нибудь разумных доводов и оправданий для своей позиции им не найти. А Барбара, по крайней мере, лицедействует, как в театре. Бьет на чувствительность. И, что называется, за те же деньги...

Юр. ЧАПЛЫГИН

В Индонезии национализируются некоторые нефтяные источники, принадлежащие иностранным компаниям.

Рисунок ЭРНСТА ЯЗДЗЕВСКОГО (ГДР) для «Крокодила».

— Почему ты кончил качать!
— Потому что ваш лимит кончился.

Насчет просчетов

ПОМОЖЕТ ЛИ?

В Нью-Йорке вышел в свет очередной номер еженедельника «Нью рипаблик», в котором опубликована статья Ганса Моргентау.

Ганс Моргентау — это директор центра по изучению американской внешней политики при Чикагском университете. Провалы политики «с позиции силы» вызывают у него досаду и огорчение. Моргентау бьет тревогу. Серия его статей в журнале «Нью рипаблик» выразительно озаглавлена: «Упадок и крах американской внешней политики».

Одна из статей этой серии, — а именно та, о которой идет речь, — посвящена мечтам о здравой внешней политике США. В то же время автор беспощадно уличает свое правительство в злонамеренном обмане американского народа.

«Вряд ли нужно доказывать, — пишет чикагский директор, — что правительство не информировало народ... Официальные заявления постоянно противоречили фактам и их значению...

Пусть кто-нибудь возьмется написать историю международных отношений начиная с 1953 года на основе лишь одних официальных заявлений, забыв все, что ему известно, кроме них.

Какая получилась бы смесь фикции и карикатуры!»

Высокая ценность разоблачений Моргентау неоспорима. Можно сказать, что его устами глаголет сама истина.

Что ж, ему и розги в руки! Пусть сечет!

Другое дело: пойдет ли это на пользу?..

ЛОНДОНСКАЯ ИДИЛЛИЯ

В начале февраля английское телеграфное агентство Рейтер распространило по всему миру оптимистическую новость. Эта радостная весть гласит:

«Нормирование бензина принесло большую пользу английским железным дорогам и автобусному сообщению.

Сейчас впервые за много лет поезда и автобусы дают все больше прибылей.

В Лондоне настолько сократились уличные пробки, что автобусы стали ходить точно по графику».

После «блестящего» завершения антиегипетской авантюры Англия, как известно, вступила в этап изнурительного нефтяного голода. И теперь множество автомашин стоит на приколе. А поезда и автобусы, естественно, переполнены.

Судя по всему, нефтяные неприятности кончатся не скоро. И мы не удивимся, если бодрячки из агентства Рейтер в один прекрасный день с чисто английским юмором еще раз обрадуют все человечество примерно таким сообщением:

«Длительное нормирование бензина принесло большую пользу вымершему было английскому извозчичьему промыслу и фуражному делу.

Сейчас впервые за много лет уцелевшие извозчики и торговцы овсом получают все больше прибылей.

Неожиданный расцвет извозчичьего промысла и развернутая торговля овсом вызывают всеобщий восторг».

Ведь не бывает же на белом свете худа без какого-нибудь, хотя бы и самого малого, добра!

М. ПОЛИКАНОВ

Александру ВИАНУ

Понедельник. Одна из бухарестских газет сообщает:

«Несчастный случай на улице.

Вчера днем гражданин Василе Грэмадэ, проживающий по улице Близнецов, 300, переходя улицу напротив ресторана «Воз с пивом» и не обратив внимания на красный свет светофора и свисток милиционера, был сбит трамваем № 13, следовавшим от станции «Коммуна Воинов». В тяжелом состоянии пострадавший доставлен в госпиталь на улице Генерал Магеру, где был подвергнут срочной операции.

Вагоновожатый Марин Сандулеску, который, по утверждению свидетелей, вел трамвай в состоянии опьянения, невзирая на то, что на нем лежала ответственность за жизнь многих десятков людей, был арестован. Констатировав позднее неосновательность заявлений свидетелей о том, что он якобы крепко выпил в ресторане «Белый конь», вагоновожатый был немедленно освобожден.

На месте происшествия собралась большая толпа любопытных.

Жители Бухареста! Оказывая поддержку органам регулирования уличного движения, следуя их указаниям, вы избежите несчастных случаев, подобных происшедшему с гражданином Василе Грэмадэ».

Вторник. Радиостанция «Свободная Европа» передает:

«Братья!!

Агентство Юнайтед Пресс сообщает, что коммунистический террор в Румынии продолжается, не затихая ни утром, ни днем, ни вечером. Это вынуждены признать даже правительственные газеты. Так, позавчера были арестованы 300 близнецов. Этим молодым патриотам, безжалостно вырванным из родительских домов, предъявляется обвинение в том, что их невинный лепет якобы выдает секретные данные.

Румынские газеты сообщают далее, что в этот же день посреди улицы был сбит вооруженным милиционером славный патриот Василе Грэмадэ только за то, что он не пожелал смотреть на красный свет.

До каких пор можно терпеть эти преступления, братья? До каких пор столь отважных борцов за свободу, как Василе Грэмадэ, будут убивать массовым порядком?

Братья! Близится великий день, когда вы и ваши сестры будете совершенно свободно переходить наши древние улицы! Мы гарантируем свободу перехода улиц особым законом!»

Среда. Говорит радиостанция «Голос Америки»:

«Дорогие радиослушатели!

Мы, патриоты, нашедшие приют по эту сторону кованого железного занавеса, с глубокой болью узнали о гнусном покушении на демократа Василе Грэмадэ, вероломно убитого в центре многострадального Бухареста.

Даже румынские газеты вынуждены признать это. Вот несколько выдержек из одной бухарестской газеты. Цитируем дословно: "Не пожелав смотреть на красный свет, Василе Грэмадэ, при попытке скрыться от преследования органов милиции, свистевших ему вслед, был сбит посреди улицы 13-ю военными. Находясь в тяжелом состоянии, он был доставлен к генералу Магеру и подвергнут срочной операции».

Вот, братья, что творится в нашей бедной стране! Патриот, смертельно раненный военными, которые подстерегают и выслеживают свои жертвы даже в трамваях, не был помещен в госпиталь, как это следовало бы сделать в соответствии с элементарными принципами гуманности, а был направлен в ставку генерала-коммуниста Магеру для так называемой «срочной операции».

Не выходите из ваших жилищ! Не переходите улиц! Ваша жизнь в опасности! Почтим минутным молчанием память тех, кто пал посреди улицы в защиту свободы, освистанный ротой милиции!»

Четверг. Делегат Кубы Эмилио Нуньес-Портуондо берет слово в ходе заседания Генеральной Ассамблеи ООН:

«Господа делегаты!

Весть о новом ужасном нарушении прав человека взволновала, потрясла и заставила содрогнуться весь свободный мир. За железным занавесом совершено новое чудовищное и свирепое злодеяние и беззаконие. Из полученных и лично мною проверенных сведений явствует, что широко известный демократ Грэмиле Васадэ был арестован органами румынской полиции. Пытаясь спастись, он вырвался из рук 13 военных и спрятался за воз с пивом. Увидев себя окруженным эскадроном кавалерии, впереди которого был белый конь, он бросился под трамвай, наполненный военными. Был арестован также и патриот Санин Мардулеску. Коммунистическая пропаганда попытается, конечно, оспаривать эти ясные, как день, факты. Поэтому я процитирую сообщение, напечатанное даже в правительственных румынских газетах:

«На месте происшествия собралась большая толпа; ученики, студенты, рабочие, матери, старухи и молочницы выступили с манифестацией в защиту своей жизни и жизни своих детей».

В заключение, господа делегаты, я предлагаю новую резолюцию: о немедленной отправке в Румынию и соседние страны беспристрастных наблюдателей, которые доложили бы об этих массовых убийствах, невинными жертвами которых являются такие борцы за свободу, как Грэмиле Васадэ и Санин Мардулеску. Я прошу вас отметить, господа делегаты, что Санин Мардулеску, как это признают даже коммунистические газеты, вел за собой многие десятки людей, о чьей судьбе неизвестно абсолютно ничего, за исключением того, что одна женщина, укрывшись в овощном магазине, вышла затем оттуда с большой корзиной, намереваясь, вероятно, спрятаться за нею».

Из румынской газеты «Скынтейя».
Перевел Ю. Кормнов.

Рисунок Ми Гу из журнала «Маньхуа» (Китайская Народная Республика).

В БУРЮ.

ВИЗИТЫ КРОКОДИЛА

АМУР С УСИКАМИ

Чеховский брандмейстер Семен Вавилыч доказывал:

— Самое важное в жизни человеческой — это каланча.

Молодой псковитянин Виктор Полосухин о самом важном в жизни человеческой имел несколько иное мнение.

— По-моему,— сказал Виктор Крокодилу,— самое важное в жизни молодых псковитян и псковитянок — найти, где собраться. Днем мы работаем, учимся. А как наступает вечер, не знаем, куда податься. Во древнем граде Пскове хорошо отдохнуть негде.

— Вы, товарищ Полосухин, просто капризничаете,— возразил Крокодил.— То есть как это в городе Пскове негде отдохнуть? А драмтеатр? А кинотеатры? Ко всему этому три клуба!

— Драмтеатр? Да, да, есть такой,— кивнул Виктор.— Но весь его убогий репертуар я пересмотрел еще тогда, когда псковское небо осенью дышало. А теперь весна на подходе... Кинотеатры?.. Их у нас два. И оба картины по целой неделе крутят. Значит, на кино я могу затратить два неполных вечера недели. Вот и все!.. Вы говорите, что в городе есть три клуба? Ну, знаете ли!..

При упоминании о клубах Виктор поморщился и досадливо махнул рукой. Крокодил понял, что допустил какую-то бестактность, и больше о псковских профсоюзных клубах не спрашивал.

— Но вы, товарищ Крокодил, пожалуйста, не думайте, будто молодежи совсем негде собраться,— снова заговорил Виктор.— В городе таких мест немало. Например, в здании облисполкома и обкома партии есть зал на пятьсот мест. Днем там иногда бывают собрания, совещания, пленумы. А по вечерам в зале мыши хозяйничают.

— Ну, и собирайтесь там.

— Не пускают. Говорят, неудобно. Здесь, мол, солидные люди бывают, важные дела решают, а вы со всякими труляля суетесь.

— Странно! — сказал Крокодил.— В Москве под сводами Большого Кремлевского дворца часто звучат юные голоса, а тут...

— То Москва, а мы живем в Пскове,— перебил Крокодила Виктор.— У нас свои порядки... Тут как-то в зале Дома партийного просвещения горком комсомола устроил несколько молодежных суббот. Ну, разные литературные чтения, товарищеские собеседования. Только недолги были наши радости. Как-то в одну из суббот подходим к Дому партийного просвещения, а окна не светятся, двери на запоре.

— Почему?

— Разное болтают! Ходил даже слух, будто бы кому-то не понравилось, что Дом партийного просвещения превращен в место шумных сборищ молодежи. Дескать, от этого его авторитет падает. Но настоящую причину мне объяснил секретарь горкома комсомола товарищ Соловьев. «За помещение,— говорит,— надо деньги платить, а у нас их нет». И я верю товарищу Соловьеву, потому что сам слышал, как начальник областного управления культуры Илья Кириллович Терентьев на пленуме обкома комсомола во всеуслышание заявил: «Без денег никакого помещения не получите!»

Виктор сначала прикусил губу, потом стал насвистывать какую-то мелодию и наконец спросил:

— Вы с Сергеем Семеновичем Кудрявцевым случайно не знакомы?

— Кто такой?

— Председатель Псковского облпрофсовета. Так сказать, наш профпапаша. В одном только областном центре под его опекой свыше двадцати тысяч молодых рабочих. Считается сеятелем разумного, доброго, вечного. Выступает с пламенными воспитательными речами... Кстати, у него тоже есть прекрасный актовый зал... Может, сходите, поговорите с ним?

Виктор поклонился и поспешно направился к девушке, одиноко стоявшей у ворот городского летнего сада. И хотя с темных небес сыпались крупные хлопья снега, из-за ажурной решетки сада доносились «Брызги шампанского». Еще через минуту Виктор и его девушка скрылись за этими «брызгами».

На другое утро Крокодил нанес визит председателю облпрофсовета С. С. Кудрявцеву. Хозяин очень радушно принял визитера и высказал несколько важных замечаний.

— Конечно,— утвердительно сказал Сергей Семенович,— теперь молодежь уже не та, какой была, скажем, в наши молодые времена. Теперь запросы молодых людей значительно шире, культурный уровень несравненно выше, знание жизни глубже, а наши возможности все еще узки. Наши профсоюзные организации еще не научились работать с молодежью. Особенно плохо у нас с клубами. А больше молодым людям негде собраться.

— Вот и пускайте их в свой актовый зал.

— Что вы, что вы! — замахал руками Сергей Семенович.— Да я же актовым залом вообще не распоряжаюсь!

— Кто же им распоряжается?

— Силантий Иванович.

— Он что, культурник, организатор-массовик, затейник?..

— Какой там затейник! Просто комендант. Хозяин первого класса! Если кто-нибудь просит актовый зал, сразу же требует денежки на бочку. Триста пятьдесят рубликов за вечер. Хочешь, бери, а не хочешь, прощай! Дешевле ни на копейку не соглашается. Даже с меня, разбойник, берет. Правда, со скидкой. По двести пятьдесят целковых.

— Позвольте, кто же, в конце концов, хозяин актового зала Дома профсоюзов? — В недоумении Крокодил почесал лапой за ухом.

— Силантий Иванович.

— А кому подчинен Силантий Иванович?

— Мне.

— Так почему же вы не наведете порядка в этом деле?

— Нельзя! Силантий Иванович — мужик хозяйственный, расчетливый, целыми днями бегает по городу и торгует залом. Кто заплатит денежки, тот и залу хозяин.

В ходе дальнейшей беседы Крокодилу стало ясно, что расчетливый Силантий Иванович готов запродать зал хоть самому сатане, лишь бы этот парнокопытный съемщик деньги платил. Тут же выяснилось и другое обстоятельство: профсоюзный сеятель С. С. Кудрявцев разбрасывал из своего лукошка не разумное, доброе, вечное, а словесные сорняки. Он мастерски мог «озадачить», то есть сказать речь, либо написать циркуляр о досуге молодых псковитян. А каков этот досуг на деле, ему и неведомо.

Тем временем псковская молодежь отдыхает по принципу «сам себе организатор».

В один из субботних вечеров Крокодил опять вышел на улицы города. Снова летели снежинки, фыркали автомобили, с колокольни Троицкого собора, что возвышается в древнем Псковском кремле, дребезжащий колокол зазывал желающих к вечерне.

У ворот летнего сада Крокодил заметил своего старого знакомого Виктора Полосухина и его подругу. Вероятно, между ними произошла какая-то размолвка. Подруга стояла к Виктору вполоборота и нервно размахивала перчаткой.

— Надоели мне эти танцы! — говорила она.— Каждый день одно и то же...

— Ну, а куда же, Наташа, идти-то? — не оправдывался, а скорее извинялся Виктор.— В кино были. В театре опять «Мачеха»... Может, в ресторан? А? Посидим, радиолу послушаем.

Ответа Виктор не успел получить. К ним подошел какой-то молодой человек в широком пальто и узких брюках. На верхней губе его чернели тощие усики.

— Виктор! Наташа! — затараторил усиковладелец.— Вы что тут стоите? Айда на вечеринку! Там будут все свои. Подурачимся, потанцуем, в почту амура сыграем. Глядишь, вечер и пройдет... Пошли?

Посовещавшись, кавалеры подхватили Наташу под руки и отправились играть в почту амура.

Амур торжествовал.

Со слов Крокодила записал
И. КОСТЮКОВ.

г. Псков.

Рисунок К. РОТОВА по теме А. Сундарева (Москва).

— ПРОНЕСИ, ГОСПОДИ!..

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Эта деталь мне пригодится!

— Поднажмем!!.

ПЛАВУЧИЙ ЭКСПОНАТ

Новороссийский судоремонтный завод начинает демонстрировать интереснейший экспонат из собственного музейного фонда. Это плавучий углеперегружатель № 86 Новороссийского порта, принятый заводом на капитально-восстановительный ремонт в январе 1950 года. С тех пор он бережно сохраняется здесь в почти неприкосновенном виде.

Историю экспоната иллюстрирует богатая документация, которую тщательно коллекционировали бывший директор судоремонтного завода тов. Квашин и нынешний директор тов. Шапурко. В этой коллекции имеются красивые бумаги со штампом Министерства морского флота СССР. Бумаги такого содержания:

«Закончить ремонт углеперегружателя в первом квартале 1954 года!»

«Закончить ремонт углеперегружателя в первом квартале 1955 года!»

И среди прочих подобных бумаг даже приказ министра морского флота:

«Закончить ремонт в четвертом квартале 1956 года под личную ответственность директора судоремонтного завода тов. Шапурко и главного инженера Новороссийского порта тов. Яковлева!»

По имеющимся сведениям, дирекция завода создает все условия для образцовой демонстрации замечательного экспоната. В качестве экскурсоводов привлекаются свободные члены команды углеперегружателя, которые за годы его простоя получили уже 350 тысяч рублей заработной платы. Предусмотрен цикл лекций для экскурсантов на следующие темы: 1) «Семь лет судоремонтной волокиты», 2) «Строгие приказы Министерства морского флота, или морская буря в стакане воды».

МЕТОДОМ «КОНФЕТКИ»!

Узнав, что в 1955 году Чернораменский торфотрест дал государству убыток по себестоимости на 3 миллиона рублей, начальник Главторфа тов. Челышев рассудил так: «Если виновников наказать, то они, пожалуй, окончательно падут духом. Надо их как-то поддержать, вдохновить». И немедленно... премировал руководителей треста.

Эффект получился потрясающий: в истекшем 1956 году трест принес убытков уже на 5 миллионов рублей.

Но тов. Челышев твердо верит в свой метод «конфетки». И недрогнувшей рукой он подписал приказ о новом премировании работников торфотреста.

Возникает вопрос: что будет, если трест вдруг нарушит свои традиции и начнет работать без убытков? Не возьмутся ли тогда руководители главка за кнут?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И... «НАКАЗАНИЕ»

Житель города Риги Юрий Павлович Карамышев, находясь в не слишком трезвом состоянии, решил развлечься. С этой целью он отправился на берег канала и, подойдя к одному из прохожих, столкнул его без всякой причины в воду.

— Что вы делаете?! — воскликнул подбежавший милиционер.

— Не видишь, что ли? Топлю,— невозмутимо отозвался Карамышев.

Достигнуть желанной цели безобразнику не удалось: его немедленно отвели в 1-е отделение милиции города Риги.

Начальник отделения капитан Григорьев обошелся с Карамышевым чрезвычайно «строго»: он... оштрафовал хулигана на десять рублей.

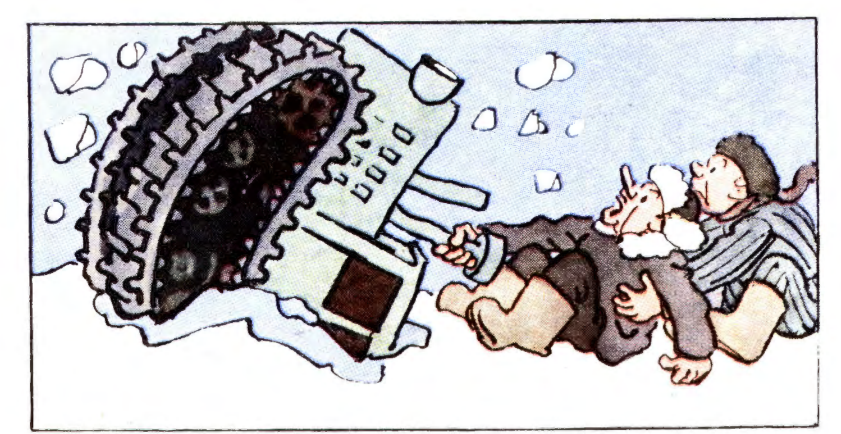
Уходя из отделения милиции, Карамышев долго благодарил.

— Спасибо, — говорил он.— В случае чего буду в вашем участке действовать. Уж больно вы добрые к нашему брату...— И доверительно спросил: — А ежели бы совсем утопил, тогда как? Наверное, двадцатку бы содрали? И то есть смысл. Дешевка!

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Хочу сказать несколько критических слов.
— Смотри, могут уволить.
— Ну, это как сказать...

— Так ведь это же наш трактор!

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

В наш реактивно-атомный век не так-то легко удивить людей достижениями науки и техники. Летит, скажем, самолет со скоростью звука, все говорят: «Ну и что ж, вполне закономерно». В ближайшие годы намечено запустить в воздушное пространство искусственную планету — и опять никто не находит в этом ничего сверхъестественного.

А вот работникам Казанской железной дороги удалось несказанно удивить своих земляков технической новинкой.

Вагон, следовавший со станции Саранск до станции Атяшево, покрыл расстояние в 99 километров за неслыханный доселе срок — 28 суток.

Особенно поражены были мы, работники Глававтотракторсбыта, так как в вагоне находились запасные части для тракторов. От избытка чувств (отнюдь не радостных) мы написали в адреса начальников станций большое количество запросов, чтобы узнать, каким способом им удается достигать в наше время такой неслыханной скорости. Однако эту тайну не пожелал раскрыть даже начальник Рязанской железной дороги, которому мы посылали телеграмму.

Возможно, он и собирается раскрыть тайну, но собирается с такой поспешностью, с какой упомянутый вагон мчался к станции Атяшево.

В. РЫБАКОВ

Мордовская АССР,
г. Саранск.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

В течение последних пяти лет мы получали гвозди — эту изобретенную нашими талантливыми предками строительную деталь — с соседних горьковских предприятий. Однако сейчас руководители Главметаллосбыта решили, что такой способ снабжения стройки материалами слишком прост и безыскусственен. И прислали распоряжение: гвоздями нас, горьковчан, должен снабжать Нижне-Днепровский металлозавод, что находится в Днепропетровской области.

Приказ есть приказ. Стали мы беспокоить Нижне-Днепровский завод. Послали четыре телеграммы. Три первые не произвели должного впечатления, а четвертая, видимо, вывела из терпения руководителей завода. И они ответили: гвоздей для вас нет и не будет!

Под боком у нас полно предприятий, вырабатывающих гвозди. Но... близок локоть, да не укусишь. Главметаллосбыт никак не хочет пойти на то, чтобы мы получали стройматериалы с ближайших предприятий. Не хочет, и никаких гвоздей!

М. ГЕРАСИМОВ,
бригадир плотничьей бригады.

г. Горький.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Обращаюсь к тебе за советом. Может быть, ты мне поможешь выпутаться из затруднительного положения, в которое я попал не по своей вине. Вот как было дело.

Девятого января я получил такую строгую бумажку: «Предлагаю немедленно явиться 30 декабря на станцию Владивосток и произвести расчет по имеющейся задолженности». Подписала это приглашение сотрудница станции Владивосток тов. Логинова. К письму был приложен счет на сто рублей за простой двух вагонов.

И вот я, в общем-то человек дисциплинированный, не откликнулся на этот зов и не явился к тов. Логиновой. Виноват я? Может быть. Но учти при этом несколько смягчающих мою вину обстоятельств.

Письмо тов. Логиновой датировано 26 декабря. Попало оно ко мне через 15 дней. При всем желании я не мог попасть к тов. Логиновой 30 декабря, не имея «машины времени», описанной Г. Уэллсом.

Второе. Для того, чтобы уплатить сто рублей штрафа, мне пришлось бы затратить на проезд в оба конца не менее тысячи рублей. Стоит ли овчинка выделки?

А если и этого мало, сообщу по секрету, что никаких вагонов мы у владивостокских железнодорожников не просили, и за что должны платить штраф, нам неизвестно.

Прошу тебя, друг Крокодил, посоветуй, как мне быть, чтобы тов. Логинова не оштрафовала меня за непослушание на еще бо́льшую сумму.

П. ПУСТОВИТ,
управляющий Камчатской областной конторой Главснабсбыта РСФСР.

Петропавловск-Камчатский.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

— Подайте на хлеб...

— ...получи на чай...

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47. 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00731. Изд. № 241. Подписано к печати 16/II 1957 г. Формат бум. $70 \times 108^{1}/_{8}$. Заказ № 405. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

Фразер. Ораторствовал всласть.
Актер. Играл напропалую.
Хотел в историю попасть,
Попал в историю. В плохую!

Эмиль Кроткий